

Киноискусство в жизни народа

В наши дни, когда страна живет интересами и масштабами семилетнего плана, значение киноискусства в коммунистическом воспитании трудящихся становится особенно значительным.

Кино не существует само по себе — оно развивается в неразрывной связи с литературой, театром, живописью, музыкой. Развитие киноискусства неотделимо также и от развития техники. Мы видим, как с каждым годом, совершенствуя свою специфическую природу, кино изыскивает новые средства, новые приемы для усиления художественного воздействия. Вслед за звуком в кино появился цвет, затем расширился экран, в последние годы родилась кинопанорама, и кто знает, как еще обогатит техника художественные средства киноискусства.

В истекшем году советские киноработники выпустили свыше ста художественных картин, сотни документальных и научно-популярных фильмов, десятки мультипликационных. Таким образом, проблема количественного роста, по-видимому, решена. Это, разумеется, нельзя не считать серьезным завоеванием нашей социалистической культуры.

Количественное развитие, естественно, повлекло за собой приток новых творческих сил. Зрителю сейчас знаком уже не один десяток новых имен среди режиссеров, операторов, художников, актеров. И, может быть, наступила уже пора поговорить об общих проблемах развития киноискусства в ряду других искусств, призванных служить нашему народу, его титанической стройке нового коммунистического мира.

Даже самый беглый обзор картин последних двух-трех лет показывает, что наряду с отличными фильмами, созданными руками и опытных мастеров, и дебютантов,

только что окончивших киноинститут, есть работы, отмеченные бедностью художественных целей, узостью кругозора, вялостью и обывательской ограниченностью мысли и чувства.

Мы научились выпускать свыше ста картин в год, и притом общий уровень художественной кинематографии бесспорно поднялся. Все же количество заметных, а тем более выдающихся фильмов не возросло в необходимой пропорции. Их мало по сравнению с картинами серыми, скучными, бесталанными.

Главные издержки продолжают оставаться в области сценария, но справедливость требует сказать, что еще очень велики издержки и в области режиссерского и актерского мастерства.

Зритель, внимательный ко всему новому, художественно значимому, не пропускает ни одной удачной картины, выделяет даже в слабых картинах удавшийся образ, интересно решенную сцену, режиссерскую, операторскую или актерскую находку. Но разве частная удача — критерий для оценки всего художественного произведения? Нет, разумеется. Полноценное художественное произведение должно целиком захватывать зрителя, предоставлять ему ту полноту впечатления, когда он безгранично сливается с действием, становится как бы соучастником его и покидает зрительный зал взволнованным и обогащенным новыми представлениями, более полным и верным знанием жизни.

Каждый советский художник, имеющий счастье считать себя непосредственным сотрудником партии в почетном деле воспитания народа, в

конце концов не может, да и не имеет права ставить себе менее значительные цели.

Я не берусь перечислять названия картин, которые оставили неизгладимый след в сознании поколений, — их у нас много. Фильмы эти еще с детских лет объясняли маленькому зрителю, что такое хорошо и что такое плохо. Позже, у юношей и девушек они воспитывали представление о чести, трудовой доблести, патриотической гордости, верности революционному знамени, чувству товарищества.

Можно было бы привести множество выразительных примеров, свидетельствующих об огромной воспитательной силе советской кинематографии, ее способности наряду с книгой формировать характеры своих зрителей в духе коммунистического мировоззрения. Множеству людей за рубежами киноискусство нашей страны открыло правду о Советском Союзе, заставило призадуматься, изменить свои сложившиеся предвзятые суждения.

Ир сейчас хочется говорить не о заслугах советского киноискусства, — они общеизвестны, — а о том, что недоделывает оно в своем воспитательном предназначении. А недоделывает оно много и очень много.

Сейчас каждый художник, независимо от того, в какой области он трудится, с радостью наблюдает, как народ, сердцем приняв исторические решения XXI съезда, по-коммунистически продолжает культурное строительство в нашей стране. С каждым днем растет взыскательность строителей коммунизма любой области труда к любой созданной своими руками материальной ценности. Люди хотят красивее и разумнее строить дома, изящнее одеваться, содержательнее отдыхать. И то, что по недостатку художественного вкуса еще

вчера казалось привлекательным, сегодня ставится под сомнение, разочаровывает и отвергается.

В любом магазине вы можете видеть, как люди, выбирающие подарок или украшения для себя, порой еще нерешительно, раздумывая, но все же отодвигают вульгарные побрякушки и тянутся рукою к вещи более простой, спокойной, пропорциональной, то есть более красивой. Молодежь высмеивает стилия, но в то же время не хочет ограничивать свою одежду ватником, картузом с пуговкой и шароварами навыпуск. Въезжая в новый дом со светлыми, просторными окнами, свободный от колонн и многочисленных балюс, стремятся украсить жилище простой современной мебелью, избавленной от дорогостоящего, чудовищно уродливого жатого плюша, собирателя и хранителя пыли. Хотят украсить стены своих комнат если не оригинальными живописными картинами, которые многим не по карману, то хорошими, тщательно выполненными репродукциями произведений, получивших мировое признание. Все это — черты новой, разумной, светлой жизни, завоеванной Великим Октябрем для двухсотмиллионного населения нашей страны.

И вот тут-то и выступают многочисленные недоделки. Киноискусство по справедливости должно поделить их с предприятиями легкой промышленности, промкооперации, с творческими союзами, объединяющими писателей, архитекторов, художников, композиторов, со всеми организациями, так или иначе влияющими на формирование художественного вкуса народа.

Только бесчувственный дельца может оставаться равнодушным к замечательным начинаниям нашей партии в области дальнейшего подъема народного благосостояния, обогащения и украшения духовной жизни народа. В этом смысле решения XXI съезда КПСС дают прямую и энергичную программу действий. Но не надо считать, что сложный и последо-

вательный процесс эстетического воспитания народных масс, и особенно молодежи, будет проходить без настойчивых усилий прежде всего творческой интеллигенции, создающей художественные ценности. И здесь киноискусству выпадает завидная и в высшей степени ответственная роль.

Вспоминая наши фильмы, выпущенные и просмотренные за последнее время, выделив из них произведения истинно художественные, имея смысл вернуться к тем десяткам картин, какие появляются на экранах под разными «коммерческими» названиями, где слово «любовь» в разных комбинациях со словом «девушка» должно явиться главной, так сказать, притягательной, кассовой приманкой. Картины эти держатся недолго, но оставляют свой ядовитый след и прежде всего в сознании молодежи.

Из всех этих картин постепенно складывается перед лицом нашего зрителя духовный масштаб и самый внешний облик молодого героя в его кинематографическом истолковании. В подавляющем большинстве это молодой индивид, волею режиссера освобожденный от каких бы то ни было признаков оригинального характера, каким природа наградила каждого человека, в том числе, разумеется, и актера, исполнителя предлагаемой роли.

Это обесцвечивание личности нашего современника начинается с обязательного обесцвечивания волос актера при помощи пергидроля. Это, так сказать, первый акт по уничтожению человеческой индивидуальности. За ним, в процессе репетиций и съемок, последовательно убиваются естественность поведения, живость интонаций, национальные черты, все те многочисленные особенности характера, которые отличают одного человека от другого.

И вот, познакомившись с таким героем в первых кадрах фильма, уже не ждешь от него никаких чудес, независимо от способностей актера; легко угадываешь границы его интеллектуальных интересов, ме-

ру искренности и содержательности его чувств и, закрыв глаза, можешь представить себе всю его нехитрую судьбу, выдуманную сценаристом и представленную на экране нетребовательным режиссером.

В награду за все протори и убытки в разработке сюжета и характеров зрители такого фильма получают набор слащаво выполненных альбомных открыток, где безвкусные крупные планы перемежаются с зализантыми пейзажами, и так называемую «лирическую песню», заменяющую в большинстве подобных картин нормальную человеческую речь в минуты душевных переживаний героев.

Самое же досадное во всех этих безликих историях это то, что они называют своих персонажей рабочими, колхозниками, инженерами, врачами, конструкторами, офицерами, студентами, а на поверку все это удручающе схожие между собой манекены. И нисколько не спасает положение то обстоятельство, что часть из них, по воле сценаристов и режиссеров, произносит положительные реплики, а другая (меньшая часть) — отрицательные; что между ними рождаются мнимые конфликты, мнимые уже только потому, что они происходят между мнимыми, не существующими в реальной жизни людьми.

Но, если вы определите такой фильм как фильм пошлый, авторы разгневаются и будут вам объяснять, что пошлость это нечто совсем другое, что пошлость оскорбляет нравственные чувства народа, что она есть одна из форм непристойности. Все это так, конечно, но им невдомек, что есть не менее опасный вид пошлости — пошлость копеечного стандарта, безвкусицы, убогой мещанской ограниченности.

В картинах этих, конечно, наказывается порок и торжествует добродетель. В них остается ненаказанным только главный порок — убожество авторской концепции, та крошечная художественная цель, которая умаляет достоинство зрителя, унижает в

его глазах творимую им жизнь и его в ней участие.

Тут невольно вспомнить М. Горького, его высказывание о «точке и кочке зрения», или пафос В. Маяковского, пафос этих великих бунтарей против мещанства всех форм и рангов, вспомнить, как Маяковский, например, блистательно срывал с мещан и обывателей все и всяческие маски и обнажал их подлинно ядовитую сущность. За это мещане мстили Маяковскому змеиным шипением, но он шел и шел своей дорогой — прямо навстречу рабочему народу и разговаривал с ним через головы мещан, пытавшихся прилечь к новой жизни. И народ отлично понял Маяковского — беззаветного революционера, строителя новой жизни — и воздвиг ему памятник в центре своей столицы.

Советское киноискусство прославилось в мире еще в двадцатые годы как искусство революционной героики произведениями Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко. В тридцатые годы к ним прибавились иные имена, появились новые картины, утверждавшие победоносный шаг социалистического реализма. Картины эти отличали народность, свежесть и глубина мысли, верность коммунистическим идеалам. Каждая из таких работ, упрочивших славу советского кинематографа, была отмечена истинным новаторством в самом глубоком и требовательном значении этого слова.

На экран вышел новый человек, сознательный и нестигаемый борец за народное счастье. Он вышел свободным от базарных украшений, присущих герою коммерческого кинематографа. Ему, этому новому герою, предстояло решить множество жизненных вопросов, решить их впервые и вместе со всем народом, породившим его, своего героя.

Жизнь, изменяя свои формы под влиянием величайших социальных преобразований, требовала новых форм и от искусства. Рождались новые драматические коллизии, новая

«Известия» 19. III. 59.